

Особенности образа «лжеца» в романе «Зияющие высоты» А.А. Зиновьева

Комовская Е.В., аспирант

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

По мнению литературоведа И.С. Скоропонтовой, «искусству всегда принадлежала огромная роль в группировании симптомов, в организации таблицы, где одни специфические симптомы отделяются от других, сопоставляются с третьими и формируют новую фигуру расстройств и болезни общества», поэтому «художники — это клинники... цивилизации» [1, с. 28]. Попытаемся проследить как А.А. Зиновьев в романе «Зияющие высоты» выводит новый вид «расстройства» социума и дает ему клиническую диагностику на примере образа Клеветника.

Всю совокупность образов «лжецов» в русской литературе, на наш взгляд, можно (условно) разделить на четыре самостоятельные группы.

Во-первых, «*моральные лжецы*», которые врут с целью собственной выгоды. Например, Хлестаков в комедии «Ревизор», Чичиков в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя; Сальери в трагедии «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина; Остап Бендер в романе «Золотой теленок» Ильфа и Петрова.

Во-вторых «*лжецы-мечтатели*», у них ложь является своеобразной формой иррационального бунта против объективного мироустройства. Например, образ Луки в комедии М. Горького «На дне»; Бронька Пупков из рассказа «Миль пардон, мадам!» В.М. Шукшина. Они, как правило, пытаются «увести» или убедить человечество в реальность существования некоей иллюзорной действительности, которая дает надежду. Возможность появления подобных литературных типов Астафьев связывает с тем, что «все мы, русские люди, до старости остаемся ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигающего душу, покрытую окалиной грубости, но в сердечке незащищенную» [2, с. 50].

Третью группу можно обозначить как «*социальные лжецы*». Внутри данной группы можно выделить следующие подгруппы:

— психологические лжецы;

— лжецы социального статуса;

К первой подгруппе относится Раскольников — герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Родион Романович боится социального разоблачения своей теории, её несостоятельности, поэтому врет и плутовствует как с самим собой, так и с Сонечкой, кроме того, опасается общественного правового закона — возмездия за содеянное, в результате хитрит и изворачивается на следствии. К данному типу можно отнести и Печорина — героя романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Он врет Бэле, Княжне Мэри не от того, что он «злодей», а потому что ему «скучно», герой быстро привыкает и теряет интерес. В разговоре-исповеди с Максим Максимычем герой заявляет: «...воспитание ли сделало меня таким, бог ли меня создал таким, не знаю; знаю только то, что если я стал причиной несчастья других, то и сам не менее несчастлив...» [3, с. 230]. Таким образом, лживость как Печорина, так и Раскольникова по отношению к другим продиктована внутренними противоречиями психологического характера.

Лжецы социального статуса, меняют свое отношение к человеку или событию в зависимости от общественного положения последнего. Например, герой чеховского рассказа «Хамелеон», или Господин из Сан-Франциско в одноименном рассказе И. Бунина.

Четвертая группа представлена собственно «социологическими лжецами». Данный тип отличается от «социального» тем, что герой, как правило, говорит правду, идущую вразрез с официальными общественными положениями, в результате социум ограждает себя от него, объявляя либо «сумасшедшим», либо «клеветником». В данной группе, анализируя произведения русской литературы можно выделить две подгруппы:

— лжец локального социума;

— лжец мирового масштаба.

К типу «лжецов локального социума» можно отнести Чацкого — героя комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»,

у которого, по мнению московского общества «ум с сердцем не в ладу». Однако реплика героя: «Вон из Москвы! Сюда я больше не езду», оставляет надежду читателю на то, что прогрессивные идеи героя в другом социуме не будут восприняты как ложные и найдут свое применение. Тем самым, персонаж дает понять читателю, что в мире ещё остались «островки правды».

А.А. Зиновьев углубляет грибоедовский вариант образа социального лжеца и создает образ Клеветника в пространстве романа «Зияющие высоты». Принципиальным его отличием от предшествующего образа является мировой масштаб трагедии умного интеллигентного человека в XXI веке. Если Чацкий мог найти правду в мире за пределами московского общества, то Клеветник А.А. Зиновьева более пессимистичен, так, весь мир — сплошной Ибанск, в котором правда, идущая в разрез с коммунальными законами, задевая интересы коммунальных людей, расценивается как ложь, поэтому лжецу А.А. Зиновьева негде спастись «от злых языков». Весь трагизм ситуации состоит в том, что Клеветнику некуда бежать.

Клеветник — это один из тех героев, который сопротивляясь официальным социальным законам, ищет истину. А.А. Зиновьев пытается обозначить проблему «сознания человека, который познает глубинный смысл миропорядка и вырабатывает свою позицию по отношению к нему» [4, с. 63], несоответствующую массовым убеждениям. Благодаря этому герою автор сумел описать основной социальный закон «малозначительность индивидуального мнения, даже если оно истинно» [5, с. 276].

А.А. Зиновьев, в след за Ф. Гойи, образами, противостоящими Клеветнику, пытается проиллюстрировать мысль о том, «что сон разума рождает чудовищ» [6]. Герой всего лишь марионетка в руках почитателей официальных законов, которые антигуманны, но очень удобны «для власть имеющих». Показательна в этом плане характеристика Клеветника на завтраке у Претендента. Коммунальные герои считают его «чистоплюем», они (Претендент, Социолог, Супруга, Мыслитель) из личной выгоды («за ним целая школа тянется») хотят выдвинуть его в академики, несмотря на то, что «человек он себе на уме» [5, с. 42]. Таким образом, формула, подсказанная некогда А.С. Грибоедовым в комедии «Горе от ума»: «Молчалины блаженствуют на свете!» [7, с. 244], углубляется в творческом наследии А.А. Зиновьева, который под «толпой Молчалиных» подразумевает «коммунальных» героев. Трагизм ситуации заключается в том, что если в XIX веке подобных Молчалину людей в социуме было меньшинство, то в XX веке таких как Клеветник — единицы.

Отличительной особенностью всех коммунальных героев художественного пространства романа «Зияющие высоты» является постоянная боязнь навредить себе и своему положению, поэтому, поразмыслив, Претендент приходит к выводу: «Клеветник — фигура, время сейчас неопределенное, вдруг проскочит. Тогда он с нами церемониться не будет. Всем шею свернет» [5, с. 43]. Как ис-

тинный коммунальный герой, заботясь о самосохранении, он решает: «Надо поговорить с Академиком. Этот старый маразматик поддыхает от зависти к Клеветнику. Он провалит его в два счета» [5, с. 43]. Данное размышление характеризует не только негативное отношение Претендента к инакомыслящему Клеветнику, но и к себе подобным. Суть каждого из коммунальных героев сводится к неприятию всех людей в целом, к какому бы лагерю человек не относился.

Эпизодом «завтрак у Претендента» А.А. Зиновьев вскрывает глубинные механизмы социального устройства Ибанска, в котором научные достижения и интеллектуальные возможности Клеветника менее всего способствуют его продвижению по службе, судьба человека решается в обстановке неофициальных собраний, личных бесед с амбициозными «маразматиками». Каждый из коммунальных героев при характеристике Клеветника на завтраке у Претендента стремится поступать согласно закону, описанному в «Социомеханике» Шизофреника. Который сводится к следующему: «если Вы не способны возвыситься до интеллектуального уровня кого-либо, опустите его до своего» [5, с. 46].

Так, например, «Мыслитель сказал, что Клеветник не так уж наивен и бескорыстен в житейских делах. За переводы его книг ему валюту шлют», а Претендент, якобы «совершенно случайно узнал, что Клеветник попытался пропихнуть в Издательстве очередную книжонку. За гонорар, конечно», и «хотя все знали, что в этом Издательстве гонорар не платят, все наперебой стали вычислять гонорар, который мог бы отхватить Клеветник за ненужную и непонятную книжонку» [5, с. 42]. Данный эпизод романа «Зияющие высоты» А.А. Зиновьева аналогичен эпизоду бала в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова, идейно-тематическое значение которых сводится к следующему: все знают, что озвученное суждение ложно, но эта «неправда» оправдывает каждого из собравшихся, поэтому общество охотно соглашается с мнением большинства. Навешивая герою имя-ярлык — «Клеветник», социум блокирует любое проявление истины с его стороны. Кроме того, в имени заложена негативная коннотация общественного характера. Он не просто «лжец», «сумасшедший», а «человек способный оболгать другого, наговорить на него» [8], данным герою именем-ярлыком «коммунальные герои» ограждают себя от нападков со стороны Клеветника с двойной силой.

Клеветник прекрасно понимает реальную обстановку, он не идеализирует свое положение, поэтому когда на Совете по поводу представление кандидатур в академики его «лично выдвинул Претендент и поддержал Академик» [5, с. 59], он в «избрание не верил». Данный эпизод показывает, что герой тонкий знаток коммунального общества, а рациональная составляющая характера у героя преобладает над эмоциональной. Следовательно, если он кого-то и осуждает это не вспышки гнева или злобы, а аналитическое сопоставление фактов, в результате чего выводы получаются не в пользу поступков коммунальщиков.

Герой реалист, он понимает свою изоляцию от общества коммунальных людей, поэтому искренне пытается предупредить Мазилу о том, «что тот напрасно дает читать Социологу трактат Шизофреника, ибо этот шакал непременно украдет, изуродует и при этом напишет донос» [5, с. 79].

Клеветник в художественном пространстве представляет собой новую модификацию «социологического лжеца», образ которого ранее не был заявлен в русской литературе. Он не врет, постоянно говорит правду, однако общество коммунального типа, живущее по своим «свиптальным» нормам, взяло за правило существовать во лжи, оно не приемлет справедливой оценки и анализа, следовательно, героя пытаются приобщить к классу «лжецов», тем самым оградить себя от справедливых замечаний. Мир А.А. Зиновьева вывернут наизнанку, в коммунальном пространстве изначально хороший поступок или человек воспринимаются как угроза общественному укладу, в этом проявляется вся его «свиптальность».

Клеветник умен, он прекрасно осознает свое непрочное положение в социуме, поэтому... в последнее время бросил всякую работу. Чем меньше работаешь, говорил он, тем прочнее положение, Работа только раздражение вызывает у бездельников. А так как бездельники почти все, то вывод напрашивается сам собой» [5, с. 80], герой метко подытожил особенности коммунального общества: «клевета, зависть, насилие у нас — неизбежные спутники незаурядного человека» [5, с. 81].

Парадокс Клеветника, как и Чацкого, состоит в том, что он сам сформулировал отрицательные общественные явления своего времени, стал своеобразным клинистом социума: «Я опасный свидетель и больное место их совести. Все это — обычные банальные истины, которые мы отлично знаем из литературы, но которые нас поражают, когда они касаются нас самих. И потом слишком уж откровенно все эти литературные штампы вылезают на вид. Как будто с общества содрали шкуру и вся его физиология вылезла наружу» [5, с. 83]. В результате того, что Клеветник предпринял попытку излечить неизлечимого больного — «коммунальное общество» от свиптальности, но надорвался на этой работе, поэтому его личность в романе воспринимается как драматическое посредство между различными мирами, точка пересечения и встреча разных форм бытия: «коммунального» и «антикоммунального».

Клеветник изнутри познает проблемы уже сложившегося коммунального общества, дает им точную характеристику с позиции «антикоммунального» человека: «Нет друзей. Нет семьи. Нет соратников. Нет учеников. Нет собеседников. Нет зарплаты. Нет даже противников. Никого. Ничего. <...>Исчез Человек. Индивиды вроде меня тут совершенно не нужны. Они тут чужие» [5, с. 168]. Клеветник как и Чацкий искусственно погружен автором в изучаемый социум, с целью выявить все возможные социальные язвы. Он исследует проблемы искусства, власти, науки в данном обществе и приходит к следующим выводам.

Его отношение к творчеству и искусству в «свиптальном» мире резко, правдиво и категорично: «Чем ничтожнее творчество <...> тем мучительнее муки творчества. Не за что зацепиться. Из настоящего художника прет само, только успевай оформлять. А из ничтожества надо выдавливать по капле» [5, с. 82]. В социуме, где все подчинено официальной политике, нет места свободе творчества, поэтому искусство закономерно мельчает и гибнет.

Герой очерчивает пути захвата полной власти в коммунальном обществе: «Для этого надо подняться еще на ступень выше, увеличить число холуев и продвинуть их к власти, дискредитировать и устранить конкурентов, отмежеваться от сомнительных связей и акций в прошлом, устранить или обезвредить лиц, знающих им цену, спасти общество от опасности (реальной или мнимой, роли не играет; но лучше от мнимой, которая кажется реальной), оказать тем самым свою незаменимость и полезность и, наконец, наложить все печать своей индивидуальности» [5, с. 82].

Герой прекрасно знает цену словам в «свиптальном» обществе, поэтому убежден: «...что язык дан людям, чтобы скрывать свои намерения и искажать намерения других» [5, с. 98].

А.А. Зиновьев на примере жизни Клеветника описывает нищенское положение интеллигента. Быт героя очерчен одним предложением: «Вот уже много лет каждая осень для Клеветника начиналась с того, что он покупал бланки для объявлений и заполнял их таким текстом: одинокий ибанчанин научный работник снимет изолированную комнату в тихой квартире» [5, с. 114—115]. У него нет дома, нет семьи, (потому что социум изжил такой пережиток как семья, даже Социолог и его Супруга больше партнеры, чем муж и жена), у героя нет своего личного пространства: он отовсюду изгоняем, так как не может и не хочет уступить своим убеждениям.

Клеветник анализирует положение науки в «свиптальном» мире и приходит к следующим выводам: «занятия наукой превращается из исключительного в самое заурядное массовое явление» [5, с. 198]. «Талантом и интеллектуальном трудом рядовых работников науки благодаря социальной структуре научных исследований часто пользуются люди, занятые организационной деятельностью или занимающие ответственные посты» [5, с. 199]. В условиях коммунального общества «антинаучность, которая глубоко враждебна научности, выглядит более научно, чем сама научность» [5, с. 199].

Болтун относит данного героя к группе оппозиционно настроенных, как и Шизофреника, дает им следующую характеристику: «лица, глубоко задумывающиеся над сутью бытия независимо от насилий, Запада, интересов дела и т.п. и, естественно, испытывающие враждебное отношение к себе со стороны всех. Таковы были Клеветник и Шизофреник» [5, с. 258].

Как отмечает В.А. Луков, Клеветника «справедливо можно было бы назвать «лишним человеком» и тем пополнить череду «лишних людей» в русской литературе, и

он действительно таков, правда, с приметным отличием от своих предшественников <...> те богатые натуры — не знали, куда себя деть, <...> и, презирая общество, они все-таки нуждались в нем. Герой А.А. Зиновьева, напротив, разносторонне деятелен, он поглощен исследованием общества, открывает законы управляющие социумом. Герой А.А. Зиновьева мог бы быть полезен обществу. Но именно

за это общество выталкивает его в никуда» [9, с. 113], к данной мысли следует добавить тот факт, что общество не просто «выталкивает» его, оно пытается оправдать свои кощунственные действия по отношению к человеку, навязав ему ярлык с негативной коннотацией — Клеветник. На примере данного образа А.А. Зиновьев мастерски описывает закон самооправдания через обвинение другого.

Литература

1. Скоропонтова И.С. Русская постмодернистская Литература Учебное пособие. — М., 2001. 608 с. С. 28.
2. Астафьев. Повести и рассказы. М., 1984. С. 50.
3. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Герой нашего времени. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 480 с. С. 230.
4. Рымарь Н.Т. Поэтика романа/ Под. Общ. Ред. С.А. Голубкова. -Куйбышев, 1990, 235 с. С. 63.
5. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. — М.: Эксмо, 2008. — 736 с.
6. Гойи Ф. Избр. труды. в 4-х т, т.1, М., 1978.
7. Грибоедов И.С. Горе от ума. Книга для ученика и учителя. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 320 с.
8. Большая энциклопедия. М., 2000.
9. Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции, Москва, 15–16 мая 2007 г. — М.: Из-во МГУ, 2007. — 208 с. С. 113